

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, том I (А—Г). — Мінск: Навука і тэхніка, 1979. — 512 с.

Укладальнікі: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабярук, С. Г. Лобач, Ф. Д. Клімчук, Т. В. Бародзіч, В. Д. Старычонок, С. Глінка, Я. Петручук, Э. Смулкова, А. Багровіца, Т. Ясінска-Соха, Я. Глушкова. Рэдакцыйная калегія: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабярук, Ф. Д. Клімчук. Рэдактар тома Ю. Ф. Мацкевіч.

Литовские лингвисты с большим интересом следят за достижениями белорусских языковедов, в частности диалектологов и лексикографов. И действительно, нельзя без восхищения говорить о продуктивности и многогранности их работ в области белорусской лексикографии. В течение последних десятилетий изданы или подготовлены к печати такие словари, как двуязычные русско-белорусский (М., 1953) и белорусско-русский (М., 1962), 5-томный толковый словарь белорусского литературного языка — т. 1 (А—В). Минск, 1977; т. 2 (Г—К), 1978; т. 3 (Л—П), 1979; этимологический словарь белорусского языка — т. 1 (А—Б). Минск, 1978; исторический словарь белорусского языка (сдается в печать), а также словари видных деятелей белорусской культуры, например, „Слоўнік мовы Скарыны“ — т. 1 (А—О). Мінск, 1977 — и др. Среди них почетное место занимают и дифференциальные словари определенных областей и районов¹.

¹ Например: Сцяшкoвiч Т. Ф. Гаворкі Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці... — Гродна, 1959; Янкоўскі Ф. М. Дыялектны слоўнік. — Мінск, 1959—1970, т. 1—3; Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы / Пад рэд. Ф. М. Янкоўскага. — Мінск, 1960; Юрчанка Г. Ф. Дыялектны слоўнік (3 гаворак Мсціслаўшчыны). — Мінск, 1966; Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. — Мінск, 1970; Сцяцко П. Дыялектны слоў-

Особый интерес для баллистики и литуанистики представляет „Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья“, 1-й том которого недавно вышел в свет (всего намечается подготовить 5 томов).

При сборе материалов и составлении словаря, кроме сотрудников Сектора диалектологии Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР (Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович, Е. И. Чеберук, С. Г. Лобач, Ф. Д. Климчук, Т. В. Бародич, В. Д. Старичонок), участвовали также ст. науч. сотр. Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР Э. Гринавецкене, сотрудники Института славяноведения АН Польской Народной Республики и кафедры белорусской филологии Варшавского университета (С. Глинка, Э. Смулкова, Я. Петручук, А. Багровска, Т. Ясинска-Соха и Я. Глушковска). Том составлен и подготовлен к печати под руководством заведующей Сектором диалектологии Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР д-ра

нік (3 гаворак Зэльвеншчыны). — Мінск, 1970; Сцяцко П. У. Народная лексіка (Бытавая лексіка гаворак Зэльвеншчыны). — Мінск, 1970; Сцяшкoвiч Т. Ф. Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці. — Мінск, 1972; 3 народнага слоўніка / Пад рэд. А. А. Крывіцкага, Ю. Ф. Мацкевіч. — Мінск, 1975; Жывое слова / Пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшкіна. — Мінск, 1978; Яўсееў Р. Маці казалі так... — Мінск, 1978 и др.

филол. наук, чл.-кор. АН БССР Ю. Ф. Мацкевич.

Основной материал для словаря собран в северо-западной Белоруссии, примерно на запад от линии: Верхнедвинск — Докшицы — Логойск — Воложин — Клецк — Ганцевичи — Иванцевичи — Пружаны — Каменец. Меньшая часть материала была зафиксирована и в других районах Белоруссии, а также на территории соседних республик: в юго-восточной Литве (в Вильнюсском, Тракайском, Шальчининском, Игналинском и Швенчёнском районах), в юго-восточной Латвии (в Даугавпилсском, Краславском и Лудзенском районах) и в северо-восточной Польше (в Белостоцком воеводстве). Это как раз та территория, „где осуществляются наиболее интенсивные широкие контакты славянских и балтийских этнолингвистических и культурных комплексов“².

Сбор материала продолжался почти четверть века (1954—1978). Во время диалектологических экспедиций было обследовано 155 населенных пунктов: 100 на территории БССР, 23 в Латвии, 18 в Литве и 14 в Польше. Таким образом для „Словаря белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья“ была накоплена большая картотека — около 0,5 млн записей.

В состав территории, где собирался материал, входят западные ареалы белорусских диалектов (северо-восточного, юго-западного, среднебелорусских говоров и частично западнорусской группы говоров), а также пограничные районы некоторых русских говоров, ареалы части полесских мазовецких говоров, главным образом польского периферийного (культурного) диалекта, с одной стороны, и диалектов балтийских

языков (юго-восточной части говоров латышского языка и юго-восточной части аукштайтских, особенно дзукских, говоров литовского языка), с другой стороны. Следует учитывать и тот факт, что в истории этой области определенную роль сыграли и другие балтийские племена, например, селоны на севере и ятвяги на юге.

Поэтому актуальность данного словаря выходит за пределы проблем собственно белорусского языкознания. Велико значение словаря для славистики и балтистики вообще и особенно для литуанистики. Он содержит много ценного материала также для исследователей проблем социолингвистики и языковых связей. К тому же представленными здесь материалами могут воспользоваться этнографы и историки.

Особенно ценно в данном словаре то, что наряду с исконно белорусским слоем лексики, которая отобрана по дифференциальному принципу, широко представлены разнообразные заимствования из других языков: из общего количества (примерно 7 тыс.) слов, приводимых в 1-м томе словаря, заимствования составляют около 13%. Среди заимствований по численности первое место занимают литуанизмы (около 48%, т. е. более 400 слов). Второе место занимают заимствования из польского (около 36%), третье — из русского (около 13%), четвертое — из немецкого языка (меньше 2%). Кстати большинство германизмов в диалектную лексику белорусского языка пришли не прямо из немецкого языка, а при посредничестве других языков, в частности польского или литовского. Ср. *бавэла*, *бавэлка*, *бавэльна*, *бавэльна* — польск. *bawełna* < нем. *Baumwolle*; *брэма* — польск. *bryt* < нем. *Breite*; *бáрта* — лит. *bárta* < нем. *Barte*; *бóма* — лит. *búomas* < нем. диал. *bōm*; *бунтэлік* — лит. *būntas* (< нем. *Bund*), *бунтэліс*; *вінкель* — лит. *viñkelis* < нем. *Winkel*; *грáба* — лит. *grābė* < нем. *Graben*. Можно предполагать, что и некоторые другие заимствования, в словаре охарактеризован-

² Судник Т. М., Толстая С. М., Топоров В. Н. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. — Славянское языкознание, 1967, № 2, с. 38.

ные как германизмы, пришли таким же путем, например, *bīndāc* — нем. *Bindaxt* (тут же следовало бы упомянуть и польск. *bindas*, лит. диалект. *bindōsas* и др.); *vasarpāga, vicarpāga* — нем. *Wasserwage* (ср. лит. диал. *vaservōga, vaservāgas*).

В словаре зафиксированы также заимствования из других языков (правда, их немного), например, из латышского (*ābadac* — латышск. диалект. *abādas*, литерат. *apbēdas*; *āycarp* — *āizsargs*; *балмакрэўсы* — *baltkrievi*; *бэтки* — латышск. *beķa*, эст. *pakki*), из украинского (*баюра* — укр. *баюра*; *вишар, вышяр* — *вишар*; *гнінци* — *гнип, гнипец*). Следует отметить, что заимствования из славянских языков (русского, польского, украинского) не всегда легко отличить от исконно белорусских слов, так как корни многих слов могут быть общими. С подобными трудностями составители словаря встречались и при установлении и детальной характеристике балтизмов, ибо не всегда можно точно определить, который из языков — литовский или латышский — является языком-источником (ср. *брашчэць* — лит. *braškėti*, лат. *brakštēt*; *буч* — лит. *būčius*, лат. *bucis* и др.).

Многие литуанизмы в этом словаре указываются впервые — до этого в лингвистической литературе³ они нигде не были за-

³ О литовских заимствованиях в белорусском языке писали: Карский Е. Ф. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. — В кн.: Сборник статей, посвященных... Ф. Фортунатову... — Варшава, 1902, с. 469—491 (или РФВ, 1903, т. 49, с. 1—23); Станкевич А. З літуанізмаў ў беларускай мове. — Калосьсе (Вільня), 1938, № 4, с. 172—175, 225—226; там же, 1939, № 5, с. 36—37, 118—120, 176—178; Jablonskis K. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje. — К., 1941, т. 1; Вяржбоўскі А. А. Балтызмы ў беларускай мове (метадалогія крытэрыі даследавання). — Весці Акадэміі

фіксированы; они не указываются даже в более ранних работах авторов словаря⁴, наук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук, 1959, т. 2, с. 117—134; Вяржбоўскі А. А. Балтызмы. — Там же, 1960, т. 3, с. 125—132; Вяржбоўскі А. А. Древне-белорусская юридическая лексика литовского происхождения. — *Lietuvių kalbotyros klausimai* (V.), 1960, т. 3, р. 269—275; *Urbūtis V. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai*. — *Baltistica*, 1969, т. 5(1), р. 43—68; там же, т. 5 (2), с. 149—162; Лаучюте Ю. Лексические балтизмы в белорусском языке (ответы на анкету). — В кн.: Лексичныя балтызмы ў беларускай мове (матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1969, с. 18—22; Лаучюте Ю. О некоторых новых литуанизмах в белорусском языке. — *Baltistica*, 1970, т. 6 (2), с. 197—202; Лаучюте Ю. А. Лексические балтизмы в славянских языках. Автореф. канд. дис. — Л., 1971; Лаучюте Ю. Лексические балтизмы в славянских языках. — ВЯ, 1972, № 3, с. 101—109; Непокупный А. П. Балто-северославянские языковые связи. — Киев, 1976.

⁴ Арашонкава Г. У., Грынавецкене А. І., Кавальчук І. П., Мацкевіч Ю. Ф., Рамановіч Я. М., Шаталава Л. Ф. З лексікі беларускіх гаворак заходняй зоны. — Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук, 1969, № 4, с. 123—134; Арашонкава Г. У., Грынавецкене А. І., Кавальчук І. П., Мацкевіч Ю. Ф., Рамановіч Я. М., Чабярук А. І., Шаталава Л. Ф. Да лексіка семантычнай дыферэнцыяцыі ў беларускіх народных гаворках. — Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук, 1971, № 1, с. 89—98; Арашонкава Г. У., Грынавецкене А. І., Мацкевіч Ю. Ф., Рамановіч Я. М., Сцяшковіч Т. Ф., Чабярук А. І., Шаталава Л. Ф. Да характарыстыкі лексікі паўднёва-заходніх беларускіх гаворак. — Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук, 1972, № 1, с. 78—86; Арашонка-

наприклад: абаўрэць — лит. *bjaurūs*; абдуліць — *dūlti*; абжаргаць, абжэргаць, аджэргаць, ажаргаць — *žėrgti*; адбуксаваць — *buksėti*; аддрагаць — *drāgoti*; адлягаць — *atlėgti*; адмяніць — *mentė*; акот, акота — *akūotas*; апакуляца — *pākulotis*; аплава — *plāuti*, *āprlava*; ашинюпнуць, ашинюпніць — *aršniūpti*; амадур, амадар, амадура — *atādūras*; атвой — *atvajūs*; атлоі — *atļajs*; атора, аторак — *atarā*; атпэрыць — *peřti*; атпойсаваць — *raisūti*; атрунэць — *nurūpti*; аўдўт — *audōti*; ашакалачкі, ашакалёнкі, ашакалкі — *šakalūs*; ашўркі — *šūŗra*; ашўрпнуць, ашўрпнэць — *rařiuŗpti*; бабіэмі — *bobėti*; бабшчэ — *bōbšė*; бадзюк, бадзюкі, бадзюка, бадзюля — *badžiūkai*, *badžiūliai*; байсяліць — *baīsinti*; балбатмаць — *balbatūoti*; балбатўн — *balbatūnas*; барбуліць — *burbuliūoti*; біжджэць, бізгаць — *būgsti*, *būzgauti*; біза — *bizas*; бізаўка, бізаўка, бізгаўка — *byzdėlė*; бінда — *biñdė*; бірўлі — *birūlis*; блаўкіня — *bliūkininkas*, *bliūka*; блаўкіняць — *bliūkōti*; бойсаць — *raisūti*; бомбал — *buñbulas*; бэрзды — *burzdūs*; бражджэль, бражджэць — *brazdėti*; бразгачы — *brizgenos*; бразгёлкі, бразгўльнік — *brazgūliai*; брўжджэць — *brazdėti*, *bruzdėti*; брўзгаць — *bruzdėti*; брўзгаўкі — *brizgėlė*, *bryzgėlė*; брўзгі — *brizgaĩ*; бубуліць — *bubuliūoti*; бурбуляць — *burbuliūoti*; бўрт, бўртка — *būŗta*; бут — *būtas*; бэгла — *bėglūs*, *bėglė*; бэмбаль — *bañbalas*; бязўляць — *būzulioti*; ваганка — *vagā*; важаняца, вазіняца, важыняца — *vazīnėtis*; валдаваца — *valdūtis*; валдаваць, вальдзяваць — *valdūti*; валўўнік, алалўў-

ва Г. У., Грынавецкене А. І., Мацкевіч Ю. Ф., Рамановіч Я. М., Чабярук А. І., Шаталава Л. Ф. Лексіка балтыйскага паходжання ў беларускіх гаворках. — Беларуская лінгвістыка, 1973, т. 3, с. 27—37; Грынавецкене Э., Мацкевіч Ю. Ф., Романовіч Е. М., Чеберук Е. І. Бытовая лексіка літоўскага проісходжэня в западной Беларусіі. — Кн.: *Lietuvių terminologija* (LKK, t. 16). V., 1975, p. 163—195.

нік — *lalūninkas*; варазгіняць — *varaizgūtis*; варызгаць — *varūzgoti*; вапаног — *vāšas*; вапмай — *vėžti*; ведзяя, відзяя — *vedėjā*; вікса, віксва — *viksvā*; віляць — *vilīoti*; вогяры — *vagā*; волькі — *valkūs*; воскла, восква — *varsvā*; вўжліс — *ūžlūs*; вўрзнуць — *uŗgti*; вўшмала — *ūřmalas*; вўпніць — *(iř)peřti*; вытылінгаваць — *tilingūoti*; вяжаціны — *vežėčios*; вясло, вясла — *vėslas*; вўўкнучь — *viūuktelėti*; вўўн — *vūti*; габá, гáбы — *gūoba*; гавэла, гавяла — *avėlė*; гайня, гання, ганья, ганье, ганье — *gāinio-tis*; гáўстар — *gāiřtaras*; галёкаць, галёкаць — *aliōti*; гáльва — *galvā*; гамбла, гамўўла — *gamulā*; гангулі, генгялэ, гангяль — *kañkalas*; гаргара — *gařgaras*; гаргаць — *gārginti*, *gārgėnti*; гáстачкі, гáшта гáштоўка — *gōstauta*; гэбнучь — *geĩbti*; гэргаўка — *gėrgužė*, *gārgāžė*; гэргаць — *gėrgėti*, *gārgėti*; гергуны — *gėrgėti*, *gārgė*; гэрзаць — *keřzoti*; гіжэць, гвжэць, гнжэць, гнжэць — *gnizėti*; гізаваць — *gizūoti*; гізаўка — *gizas*; гізка — *gižūs*; гілазавачь, гілазавачь — *gylīūoti*; гілос, гилос — *gylīūs*; глабузда — *grabūzdas*; глэй — *glėinia*, *glėinė*; глумбаца — *klumbėnti*; глўмбы, глўбы — *klūmpės*; глундзіць — *glūndzioti*; гляблы — *glėbti*; гóгаўка — *gōgė*; грамазда — *gramōzdas*; грызляць — *rūzliōti*; грэўцпóлька, грэўцпóлька — *greĩpolkė*; гўга — *gugā*; гўд, гудас — *gūdas*; гургалэ — *gurgulaĩ*; гўрнучь — *gurnėti*; гўрны — *guřnas* и др.

Многo литуанизмов зафіксировано толькo в отдельных деревнях, находящихсЯ или на территории Литвы, или близ ее границы, где литовский язык сохранился до XX в. и до наших дней, например: атвэрти — *atvértas*, ашўрпнучь — *rařiuŗpti*, барздзюк — *barzdžiukas*, браўна — *briaunā*, Гражуля Кóлы — *Grūzuliō Rātai*, граўжык, граўжыкі — *graužā*, *grāužas* (Быстрица, Островецкий р-н Гродненской обл.); аксцюкі — *aksčīukai*, баршкўль — *barškūlis*, біздрыс, біздра — *bizdrūs*, брынэць — *brĩsti*, бужўк, бужак — *būžūs*, бярнўць — *bernūtis*, ваганас — *vānagas* (Старые Смыль-

гини, Вороновский р-н Гродненской обл.); *брандўк* — *brándulas*, *валаваць* — *volióti*, *вейкаліс* — *vaikēlis*, *гламбякі* — *lāmbas*, *lāmdyti*, *glāmdyti* (Палецкишки, Вороновский р-н); *вёжлуктаца* — *žlūgtas*, *вёлундаць* — *lāndzioti*, *вёрсаць* — *vārstyti*, *гакты* — *gāktos* (Ёдловичи, Браславский р-н Витебской обл.); *бызгаць* — *būgsti*, *гёга* — *gōgas*, *gōgas*, *грамаздзіца*, *грамаздзіць* — *gramōzdinti*, *грузліца*, *гружліца* — *gružlōti*, *гўлышта* — *gūlta*, *gūžtā*, *гёркаць* — *girkčio-ti* (Гимжяй /Гемзы, Шальчининкский р-н); *антáнал* — *antāpalas*, *бамбулі* — *buñbulas*, *бук* — *būkas*, *бўмблі* — *bumblūs*, *варжá* — *vārža*, *граўжавірба* — *graužavirba*, *грудóлки* — *grūdālēs*, *grūdas* (Сянеи Тракай /Старые Троки/, Тракайский р-н); *бална* — *balnā*, *бужáлна* — *būožē*, *грабáня* — *grēbēnē*, *грандзіць* — *grāndyti* (*uodega*) (Грикеняй, Вильнюсский р-н); *бужўль* — *bužūs* (Шауляй /Стрельцы, Шальчининкский р-н) и др.

Часть заимствований записана от белорусско-литовскоязычного населения, проживающего в литовском окружении, например: *алксня* — *alksnis*, *алкснín* — *alksnūnas*, *арыль* — *arýlis*, *асярюк* — *ešeriūkas*, *бёрзгела* — *birzgēlē*, *брўвы* — *brūvės*, *брўндул*, *брўндуль* — *brūndulas*, *brándulas*, *бумбулі* — *bumbūliai*, *вёкашкаца* — *kóškintis*, *вёлўкшчываца* — (*išsi*)*lūkštinti*, *гергэліць* — *gargaliūoti*, *гнёмбіць* — *gnýbti* (Малкунай, Игналинский р-н); *байдзіць* — *baidyti*, *барбатáць* — *barbatuoti*, *бразды* — *brazdai*, *брас-тá*, *брóста* — *brastā* (Чичяляй, Швенчёнский р-н); *абблóшканы*, *абблóшкаць*, *блóшкаць* — *blōkšti*, *апснiгяваць* — *apsnigti*, *брыдзяць* — *brydžiūoti* (Ракаускай, Швенчёнский р-н) и др.

Совершенно ясно, что опознание и установление заимствований — весьма трудная и сложная проблема. Дело в том, что только некоторые заимствования из литовского языка очевидны и не вызывают никаких сомнений. К ним прежде всего относятся слова, бытующие в большинстве литовских диалектов и в литовском литературном языке.

Многие из таких заимствований почти целиком сохранили свою исконную литовскую форму, например: *алкснín* — *alksnūnas*; *алксня* — *alksnis*, *аслá* — *aslā*; *асюкля*, *асюкле*, *асюкли*, *сюкли* — *asiūkliai*; *байдзіць* — *baidyti*; *баршкулі* — *barškuliai*; *баршкўль* — *barškūlis*; *блiнда*, *блiндзя* — *blinda*; *брас-тá*, *брóста* — *brastā*; *браўна* — *briaunā*; *бурбуляць* — *burbuliūoti*; *бязўн* — *bėgūnas*; *бярнўць* — *bernūtis*; *вáпсва*, *вóпсва* — *vapsvā*; *варжá* — *vārža*; *вейкаліс* — *vaikēlis*; *вiксá*, *вiксвá* — *viksvā*; *вiрцина* — *virtinė*; *гайдўк* — *gaidukas*; *гáкты*, *гáхты* — *gāktos*; *гаргáра* — *gargāras*; *гéгни*, *гéгна* — *gėgnė*; *глiнда* — *glinda*; *грабўзда*, *грабузда* — *grabūzdas*; *граўжавірба* — *graužavirba*; *гўл-та* — *gūlta*, *gūltas*; *гўлышта* — *gūžtā* и др.

Некоторые литуанизмы заимствованы со всеми фонетическими особенностями диалекта-источника, в данном случае восточноукштайтского диалекта, например: *балундá* — *balundā*, *balūnda*; *брўнкт* — *bruñktas*; *брўндул*, *брўндуль* — *brūndulas*; *бўмблі* — *bumblūs*; *вёлундаць* — *lūndzioti*; *грукáч*, *грукáч*, *грукáч* — *krunkōčius*; *бёрзгела* — *birzgēlā*, *birzgēlā*; *бядўла* — *bėdūlā*, *гавяла*, *гавяла* — *avėlā*, *avėlā* и др.

Гораздо больше слов, происхождение которых установить труднее. К их числу, например, относятся слова, корни которых являются общими как для литовского, так и для белорусского языков, и разные оноματοпоэтические слова. Не менее трудно определить происхождение так называемых субстратных или реликтовых слов, т.е. слов, когда-то пришедших из ныне уже не существующих литовских говоров (как известно для литовских говоров характерна большая раздробленность, существование разнообразных фонетических, словообразовательных и семантических различий, причем часть таких говоров на юго-восточных окраинах территории литовского языка ассимилировалась соседними белорусскими говорами и польским периферийным культурным диалектом). Кроме того, в славяноязычной, особенно в белорусско-

язычной, среде многие литовские заимствования прошли сложный процесс адаптации в фонетическом, словообразовательном и семантическом плане. К этой группе можно отнести такие слова, как например: *атгольнівы* — ср. лит. *atgál*; *атхрабўстаць* — *nugrabūzdóti*; *барбўха* — *barbūtė*; *барулі* — *burūlis*; *басальга* — *bašsas, baisėlė*; *баўкўн* — *baukė, baukūs*; *бляўцець*, *блѣўцець*, *бляўчэць* — *bliaūkti*; *вóскла*, *вóсква* — *vapsvā*; *вьягаць*, *вьякаць* — *viāukčioti, vegsėti*; *галѣкаць*, *галякаць* — *alióti* и др.

Однако замечания относительно происхождения отдельных слов без более подробных исследований все же недостаточно убедительны, вызывают некоторые сомнения. Например: *алѣс*, *альсы* — ср. *alaušai*; *аткавѣзіць* — *kevėša*; *брóсна*, *брэсна* — *brūsā*; *вушвалак* — *āžuolas*; *вяртўль* — *mentūris*; *гагўль* — *kāklas*; *гартóль* — *artā*; *гóлда* — *buлдė* и др. Для некоторых таких слов единственным критерием балтийского происхождения является, увы, только география. При более тщательных последующих исследованиях некоторые слова, которые в словаре указываются как литуанизмы, могут оказаться исконными белорусскими словами и наоборот — среди диалектных слов, которые авторами считаются белорусскими, может обнаружиться еще не один литуанизм.

Кроме того, следует указать некоторые непоследовательности при объяснении значения слов, особенно при приведении этимологических заметок к вариантам родственных слов. Во многих случаях этимологические заметки и значение приводятся после каждого варианта или родственного слова. Например: *обры́згаца* „обиться“ — лит. *apibrigzti* (то же), *бры́згаца* „обиваться“ — *brigzti* (то же), *брызгачы́*, *брызгачы́*⁵ „нити, которые висят внизу

подола старой одежды“ — *brizgenos* (то же) и т.д. Довольно часто также значение и этимологические указания приводятся при первом по алфавиту слове, а при последующих вариантах или словах с одним и тем же корнем дается только отсылка на первый. Например: *абжэ́ргаць* — то же, что и *абжарга́ць*, *блiндзя́* — то же, что и *блiнда*; *брóста* см. *брас́та* и т.д. Однако иногда такая последовательность нарушается. Например: *акóт*, *акóта* „ость“ — лит. *akiótas* — то же; *акóцина* — то же, что и *акóт*; *акóця*, *акóця* „ости“; *басця́ка* „бродяга“ — *bastýtis* „бродить, скитаться“; *басця́ла* — то же, что и *басця́ка*; *басця́лы* „бродячий, бродяжнический“. В последнем случае варианты *акóця*, *акóця* и *басця́лы* авторами уже не причислены к литуанизмам, т.е. считаются как бы чисто белорусскими словами. Подобным образом без этимологического примечания оставлен вариант *бро́йдаць* — то же, что и *брадзі́ць*, хотя вокализм корня явно выдает его литовское происхождение, ср. *braidyti, bráidžioti*, тем более, что эта форма зафиксирована только в Старых Смильгинях (Вороновский р-н), где старшее поколение по сей день еще сохранило литовский язык.

Не всегда последовательно приводятся и литовские формы, принимавшие участие в образовании белорусских диалектизмов, например: *байсялі́ць* „говорить ерунду“ — лит. *báisioti; bašinti* „пугать“ (стоило еще указать *páistyti, páistelioti* „говорить глупости“); *брыне́ць* „набухать“ — *brįsti* (ср. еще *brínkti* — то же; *вальдзява́ць* — *valdyti* (ср. еще диал. *valdžiovóti*); *гáстачкi*, *гáштма*, *гáштмаўка*, *гáштма* „гвайздика“ — *góstautā* — то же (ср. еще *góstautā, góstautas, gókštas, góštas*) и др.

К сожалению, в списке населенных пунктов, где собирались материалы, совсем игнорируются литовские официальные формы названий местностей Литовской ССР. Приведенные неидентифицированные

⁵ Варианты фонетического порядка авторами обычно приводятся в одном гнезде.

диалектные славянские формы этих названий затрудняют читателю пользование изданными официальными административными списками и картами.

Наряду с лексическими литуанизмами встречаются и фонетические заимствования, которые появились под влиянием соответствующих звуков или их позиций в литовском языке, например: *б* вместо *г* в слове *бáлас*, ср. *baĩsas*, *у* вместо *ы*: *булі*, *буваць*, *вбуќ*, *вуйць*; *к* вместо *х*: *аквяравацца* (*аквяравацца*), *клéп* (*хлеб*), *кварóба*; *п* вместо *ф*: *аптава́ны* (*афтава́ны*), *áрна* (*áрфа*), *арпавáць* (*арфавáць*); дентальный *н* перед *к* нередко переходит в велярный: *адры́нка*, *апíнкi*, *жо́нка*; *і* вместо *ы*: *гірсі*, характерный для литовского языка взрывной *г*: *га́кты*, *га́хты*, *гвэ́ня*, *гвя́гаць*, *ге́рмаш*,

глю́га (в словаре этот *г* обозначен жирным шрифтом) и др.

Все эти примеры показывают, что словарь является богатым источником разнообразного материала; 1-й том подготовлен с большой тщательностью и любовью. Отмеченные нами отдельные неточности не существенны и не умаляют научной ценности труда. Словарь представляет большой интерес как для славистов, так и для балтистов и является неисчерпаемым источником ценнейшего материала для дальнейшего изучения балто-славянских языковых связей. Выход его в свет будет стимулировать подготовку подобных работ языковедами других республик.

А. Видугирис, К. Моркунас